

ФОУКС.

ГЛАВА 22

Группа как матрица психической жизни индивидуума

Перевод М.А.Якушиной

Данная статья была заказана редакторами 1-го тома Новой ежегодной серии. Том был посвящен памяти Аси Кадис, которая была Директором Групповой Терапии в Постдипломном центре психического здоровья в Нью-Йорке. В Соединенных Штатах, помимо индивидуальных коллег, у которых были тесные контакты с группанализом в Лондоне, миссис Кадис и некоторые ее коллеги в Постдипломном центре были ближе всего по взглядам к Фоуксу.

Последняя статья Фоукса (смотри главу 28) появилась в томе за 1977 год в той же серии. Том 1978 года был посвящен его памяти и содержал статьи о Фоуксе, которые написали Мартин Гротъян, Малькольм Пайнз и Макс Розенбаум, и библиографию.

Понятие групповой матрицы стало предметом особого интереса, и данная статья – наиболее важное и подробное изложение ее Фоуксом.

Глава в: L. R. Wolberg and E. K. Schwartz (eds.), *Group Therapy 1973—An Overview* (New York: Intercontinental Medical Book Corporation, 1973).

Возможно, стоит добавить, что название этой статьи изначально было «Группа как матрица психической жизни». Делая доклад в Нью-Йорке в 1958 году, Фоукс обнаружил, что его там неправильно поняли в отношении того, какую важность он придавал индивидууму. Это, очевидно, было связано с их ошибочным пониманием его использования термина «групповая динамика». Поскольку данная статья была предназначена для публикации в Соединенных Штатах, он решил предотвратить возможные недоразумения и выбрал более длинное название, чтобы подчеркнуть, что его фокусом являлось – как и всегда – освобождение отдельного человека.

Защиты против некой всеобъемлющей точки зрения

В настоящее время многим представляется трудным принять идею, что то, что называется «психика», состоит из взаимодействующих процессов между рядом тесно связанных людей, обычно называемых группой. Когда два человека образуют отношения, они создают новое явление, точно так же, как, когда два человека играют в шахматы друг с другом, они создают новое явление, а именно, шахматную партию, которую они производят. Когда группа людей, под чем для наших целей я подразумеваю малое число людей, образуют интимные отношения, они создают новое явление, а именно –

тотальное поле психических хэппенингов между ними всеми. В этом контексте я говорил о «трансперсональных процессах», то есть, о психических процессах, которые, как рентгеновские лучи в сфере тел, проходят полностью сквозь индивидуумов, составляющих такую «сеть».

Это совершенно новое явление, которое они создают, я обычно называю «контекстом группы». Я не говорю о групповой психике, потому что это субстантивация того, что имеется в виду, и она столь же неудовлетворительна, как если говорить об индивидуальной психике. Психика – это не *вещь*, которая существует, а серия событий, движущихся и длящихся все время. Трудность, которую люди все еще испытывают в области психотерапии и вне ее с тем, чтобы принять мою гипотезу как основу для понимания и для действия, можно отчасти объяснить как обычную неспособность и нежелание учиться новому. [225] Учиться чему-то новому означает изменять все свои позиции относительно ряда явлений, самого себя и мира, в котором живешь. Я считаю, однако, что существует вполне специфическое сопротивление тому, чтобы принять психические процессы как мультиперсональные явления, сопротивление, основанное как на очень личных, так и на достаточно общих последствиях того, чтобы принять эту истину. Эти сопротивления, по-видимому, можно сравнить с теми сопротивлениями против признания бессознательных психических процессов у индивидуумов, с которыми столкнулся Фрейд.

Причины этого личного предубеждения станут, надеюсь, более ясными из того, что я должен буду сказать далее. Однако, здесь я на них, по крайней мере, укажу. Лучше всего мы можем изучать эти психические сети в психопатологии: то, что мы знаем о них, мы знаем в основном через наших пациентов. Если понимать, что наши пациенты нуждаются в помощи не исключительно ради них самих, что они на самом деле включены как неотъемлемая часть в целую сеть взаимодействующих индивидуумов, то из этого следует, что в определенных отношениях они являются всего лишь жертвами, или козлами отпущения, или, иначе, симптомами изменений и причиной расстройства в интимной сети их человеческих отношений. Можно наблюдать, что когда пациенты в лечении начинают серьезно меняться, у них, как правило, возникают неприятности с другими людьми из их сети. Все равновесие и психопатология сети были основаны на том, чтобы наши пациенты были именно такими, как есть, и поэтому теперь под угрозой оказывается равновесие других.

Любые изменения в индивидуальной части такой сети нарушают весь баланс внутри нее. Поскольку это будет так для психологов, врачей или психоаналитиков, столько же, как и для кого-либо другого, существует постоянный интерес противостоять тому, чтобы это стало явным, потому что тогда придется в значительно большей степени замечать, что происходит как в сетях их пациентов, так и в собственных сетях врачей. В конечном итоге это будет означать, что все сообщество должно брать на себя значительно больше ответственности вообще за вспышки тревожащей психопатологии.

Существует поэтому очень специфичный защитный интерес к тому, чтобы играть в отрицание факта взаимозависимости, которое утверждается здесь; крики «но каждый является индивидуумом» и «конечно же, психика – это дело индивидуума» означают в таком случае «каждый за себя, я не несу вины за то, что происходит с другим человеком, будь он явно близок ко мне, или будь я связан с ним скрытыми способами или даже совершенно бессознательно».

**[226] Коммуникация:
психоанализ и группанализ**

Все явления в аналитической терапевтической группе рассматриваются как потенциальные коммуникации. Этот динамический способ формулировки освобождает от необходимости использовать обычные понятия вытесненного бессознательного, защит, и так далее, которые необходимы при психоаналитической ориентации. Само собой, это никоим образом не противоречит наблюдению этих явлений и не отрицает их. Может быть полезным сравнить и противопоставить, по крайней мере, кратко, точку зрения на эти процессы, возникающую из психоаналитического дуперсонального метода, и ту, что возникает из группаналитических наблюдений. В конечном итоге они должны составить связную теорию, описывающую человеческое существо, наблюдаемое в различных ситуациях.

При сравнении психоаналитической и группаналитической точек зрения на индивидуума и индивидуальные процессы полезна аналогия дифференциально увеличивающего микроскопа. Психоаналитическая точка зрения берет индивидуальную психику за единицу наблюдения и пытается понять все психические процессы в терминах этой индивидуальной психики. Это делает ее особенно полезной для ее конкретных целей, а именно – вертикального анализа индивидуума в хронологическом, историческом плане. Если смотреть с точки зрения психоаналитического подхода, то новые отношения возникают, по сути, из переноса, а ответные реакции, через перенос других участвующих в этом людей, действуют как модификаторы этих теперь уже иных отношений. В конечном итоге это означает, что они могут быть поняты как результаты исходных семейных отношений каждого индивидуума.

В противоположность этому, группаналитическая точка зрения будет утверждать, что все эти процессы взаимодействия играют на объединенном психическом поле, частью которого являются составляющие их индивидуумы. Так что это наилучший метод для наблюдения и для получения эффективного воздействия в горизонтальном смысле – в смысле, с учетом различных характеров и реакций нынешних участников и в здесь-и-сейчас настоящей жизни. Что я хочу подчеркнуть, это что эта сеть представляет собой психическую систему сети в целом, а не является налагающейся сверху системой социальных взаимодействий, в которой друг с другом взаимодействуют индивидуальные психики. Такова ценность размышления в

терминах концепции, которая не ограничивает психику, по определению, индивидуумом.

[227] Мы как группаналитики не разделяем психоаналитического противопоставления «внутренней» психологической реальности и «внешней» физической или социальной реальности, что с точки зрения психоанализа вполне осмысленно. То, что находится внутри, находится и снаружи. «Социальное» – это не внешнее, а очень даже также и внутреннее, и проникает в самую глубину индивидуальной личности. «Объективная» внешняя «реальность» неотделима от существа, животного или человека, и уж конечно от индивидуума, чьим миром является, и потому является частью и «психологической» реальности тоже. Она может быть в полной гармонии с последней или являться компенсаторной или противоречащей – например, путем таких поляризующих процессов, как проекция – но никогда не свободна от ее влияния. С другой стороны, психоаналитическую точку зрения следует также рассматривать как намеренную абстракцию, когда отдельное существо намеренно абстрагируют и рассматривают изолированно от его контекста. (Вместо этого ее очень часто почитают за абсолютную истину, за простой подлинный отчет о наблюдении, что у каждого индивидуума есть своя собственная психика). Эти два взгляда, таким образом, не являются несовместимыми друг с другом; они, напротив, взаимодополняются. Какой предпочесть, зависит от обстоятельств или от целей наблюдения, или от того, какое действие требуется. Лично мне представляется, что мультиперсональная гипотеза психики ближе к подлинной природе событий.

Точно так же, как я не сомневаюсь в явлении психики, я не сомневаюсь в существовании отдельного человека. Отдельный человек не только существует в своем собственном уме и в нашем опыте, но его тело также, несомненно, является отдельным единым предметом. Таким образом в наших группах также индивидуумы реагируют друг на друга, показывают свою индивидуальность, вырабатывают свои собственные идеи и фантазии по поводу группы, по поводу терапевта, по поводу определенных членов группы, и так далее. Тем не менее, мои собственные исследования и опыт в группаналитических группах привели меня к тому, чтобы увидеть существование надперсональной психической матрицы, и затем размышлять и строить об этом теории. Я могу сказать это совсем просто: я подумал сам с собой, «Какая колоссальная сложность процессов, и действий, и взаимодействий играют между даже двумя или тремя из этих людей, или между этими людьми и мною, или между двумя по отношению к другим трем, и так далее. Какая колоссальная сложность, совершенно невозможно увидеть и распутать даже теоретически все одновременно. Как получается, что они, тем не менее, могут понимать друг друга? Что они могут до некоторой степени говорить о происходящем, как о чем-то общем для них и поддающемся здравому смыслу? Они движутся осмысленным образом от пункта А к пункту Б. И то же самое можно сказать обо мне самом».

[228] И вот я подумал: «Что, в самом деле, происходит здесь, что я на самом деле делаю?». Я подумал, что старая теория восприятия этого в терминах индивидуумов и их взаимодействий как индивидуальных психик, заключенных в каждом черепе, взаимодействующих самыми сложными способами с другими, что эта теория действует как мощный барьер, мешающий моему пониманию. Более того, она ставила много псевдопроблем, на которые поэтому не было удовлетворительных ответов. Вместо этого я принял с самого начала, что даже эта группа абсолютных незнакомцев, поскольку они одного вида и, возьмем более узко, одной культуры, разделяют фундаментальную психическую матрицу (*базовую матрицу*). Их более близкое знакомство и их интимные сообщения друг другу раз за разом добавляют к ней что-то, так что они образуют также изменчивую, постоянно движущуюся, постоянно развивающуюся *динамическую матрицу*.

Я не хочу здесь более подробно говорить о понятии матрицы, кроме как о конструкторе, полезном для того, чтобы видеть все различные процессы, которые я описал – как, например, место, или фигура-фон – то, как они оперируют в этой сети взаимодействий и коммуникаций, в матрице. Это позволило мне сказать, что взаимодействуют не люди, а психические процессы. Я хочу сказать несколько слов для того, чтобы не быть неправильно понятым в этом вопросе. Психические процессы *per se* не могут взаимодействовать, но никто не будет сомневаться, что – воспользуемся простым примером – один гомосексуалист узнает другого раньше, чем они узнают что бы то ни было друг о друге, как говорится, инстинктивно; или что садист и мазохист взаимодействуют, дополняют друг друга, и реагируют друг на друга в определенной взаимонастроенности прежде, чем поймут это сами. Это все равно не значит, кроме как в теории, что эти процессы или силы возможно абстрагировать (а они значительно сложнее, чем те, которые указаны) как независимые явления с собственными своими действиями. В конечном итоге всегда бывает так, что личность в целом взаимодействует с личностями в целом.

Что я имею в виду, когда говорю, что взаимодействуют психические процессы, это те избирательные связи, которые возникают безлично, инстинктивно, интуитивно, в основе своей бессознательно, в соответствии с внутренними конstellляциями и предрасположенностями участвующих, и которые определяют их взаимодействие. Эту крайне интересную и важную специфичность, взаимную сцепку этих процессов, которая фактически вмещает всю психопатологию в живом действии, я называю здесь «резонансом». Иногда это сознательно признается индивидуумом. [229] В целом взаимодействия индивидуумов на самом деле являются результатом настроенности или ненастроенности друг на друга индивидуальных инстинктов, эмоций, всевозможных реакций, например, предрасположенности характера. Существует в то же самое время бессознательная интерпретация этих реакций на той же самой основе. По сути, это придает группе связность и смысл для каждого из участников, даже

если каждый вовсе этого не осознает или не понимает сколько-нибудь на уровне интеллекта.

Групповой контекст

Чтобы понять и описать далее то, что я делаю, и каковы мысли и идеи, руководящие моими действиями, я буду говорить о групповом контексте. Важно отметить, что в обычной стандартной группаналитической группе индивидуумы находятся на переднем плане, а групповой контекст – это тот задний план, на котором мы основываем наши интервенции и интерпретации; индивидуум является центром этой процедуры. Такой взгляд на все происходящее в группе часто ведет к недоразумениям, а не есть ли это пренебрежение индивидуумом. Понятие группового контекста такой угрозы не несет. Самое верное описание, что именно я делаю – это, что я анализирую в интересах каждого индивидуума. Но в групповом контексте. Для этой цели я использую не только процессы, достигающие меня, но и процессы, достигающие каждого – то есть все процессы, работающие в группе в целом. Чтобы отдать должное тому факту, что это психическое поле операций в значительной мере включает индивидуума, но и выходит за его пределы, я использую термин «трансперсональные процессы». Эти процессы проходят сквозь индивидуума, хотя каждый индивидуум разрабатывает их и дополняет и модифицирует по-своему. Тем не менее, они проходят через всех индивидуумов – подобно рентгеновским лучам в физической сфере.

Возможно, будет вполне уместно проиллюстрировать этот взгляд параллелью из биологии. Клетки существуют. Клеточная патология имеет смысл, и мы можем рассматривать происходящее с точки зрения этой клеточной патологии. Если в нашем случае клетка – это индивидуум, тогда то, как я рассматриваю ее, будет более похоже на молекулярную биологию, которая выходит за пределы каждой отдельной клетки, что не означает, что отдельная клетка не ведет себя принимающим и творческим образом в процессе в целом. [230] Психология, таким образом, не является ни «индивидуальной», ни «групповой», кроме как в абстракции. Мы не можем говорить об индивидууме, не упоминая группу, или о человеческой группе, которая не состоит из индивидуумов. И то, и другое, следовательно, является абстракциями в том, что касается психологии человека в целом.

Для того чтобы видеть что-то в целом, нам нужно, полагаю я, видеть это в соотношении с еще большим целым, так, чтобы мы могли выйти наружу из того, что мы хотим видеть. Например, более крупная группа может рассматриваться только по отношению к еще большим сообществам или, возможно, по отношению к ее лидерам или ее задаче. Маленькие группы можно видеть целиком только по отношению к другим группам. Это я и имею в виду, когда я говорю, что в наших терапевтических группах горизонтом является сама группа. Группа как таковая может быть понята только изнутри самой себя. Коль скоро мы также включены в нее, мы и не можем, строго говоря, видеть ее как целое, кроме как по отношению к нам, и нам не следует

иметь привычки адресоваться к ней как к целому. Ситуация, в которой имеет смысл адресоваться к группе как к целому – это, например, когда ведущий, аналитик, хочет указать на какую-то реакцию на свою функцию, или какие-то общие отклики по отношению к себе или к какому-то другому участнику. Терапевтическая группа в малом масштабе, оптимально 7-9 человек – это предпочтительная ситуация для того, чтобы увидеть *индивидуумов*, составляющих эту группу, действительно в целом, в кругу. Однако, как уже говорилось, эта групповая ситуация высвечивает внутренние взаимодействия, переходит границы индивидуального или того, что обычно считается внутренним, интрапсихическим, и показывает, что это что-то общее для всех.

Когда мы говорим о психологии или психопатологии, нам лучше не забывать о составном целом, которое охватывает и содержит в себе все психологические процессы в любой данной ситуации изучения. Мы можем сосредоточиться на группе в целом или на любом одном индивидууме или индивидуумах в их специфических взаимодействиях; всё, что происходит, значимо с любой точки зрения, и разные значения взаимодополняют друг друга. Дело не в том, что одна точка зрения верна, а другая неверна. Скорее, это как если бы мы делали фотоснимки с различных точек. Один снимок может быть для определенных целей лучше, а другие – не так хороши. Но все они показывают то, что есть, в том ракурсе, в котором они сняты. Однако процесс в целом должен всегда определяться для поля в целом. Отношения, по-видимому, лучше всего понимать в терминах фигуры и фона, как это уже упоминалось. [231] Фигура – это то, что мы особо выбрали для наблюдения, то, на чем мы сосредоточились, или то, что при беспристрастном наблюдении само выступает на передний план.

Теория групповой сети

Я говорил о коммуникационной сети взаимодействия, в которую индивидуум погружен, и о теории неврозоз с позиции групповой сети. Я не отождествляю это понятие полностью с понятием семьи по причинам, которые я сейчас объясню, хотя я работал с семейной сетью и изучал ее еще до того, как появилась семейная терапия как таковая. Исходная семья – это действительно первичная сеть, в которой решающим образом формируется личность будущего индивидуума; весь психоанализ доказал это так, что не остается места никакому разумному сомнению. Эта семейная сеть, если рассматривать ее как группу, действует как цельная сложная формулировка. В ней есть как бы вертикальная ось, указывающая в прошлое, к родителям, к собственному детству родителей, к отношению родителей с их собственными родителями, и всё это входит глубоко в самую сердцевину формирующегося ребенка.

Мы знаем, что эти события покрываются инфантильной амнезией, и в этом смысле являются динамически бессознательными, особенно по отношению к инстинктам, связанным с инфантильной сексуальностью.

Однако сердцевина эго и суперэго, сформированных таким образом – сформированных, с моей точки зрения, с самого начала – в своих существенных частях являются столь же бессознательными, хотя и не вытесненными. Они являются бессознательными, потому что впитанные человеком ценности, все отношение с миром и с объектами, все то, как человек выражает себя, дышит, спит, ходит, забавляется, говорит, поведение индивидуума в целом, было решающим образом сформировано исходной семейной группой. Индивидуум не осознает этого в том смысле, что он обычно убежден, что то, как он чувствует, думает, – это естественный и правильный способ, что его язык – *это и есть* тот язык, которым говорят. Я хотел бы напомнить вам отрывок из Марка Твена: «А французы люди?», – спрашивает один из его персонажей другого. Другой отвечает: «О да, они люди». «Тогда почему они говорят не по-людски?».

[232] Таким образом, это один из величайших шагов вперед в аналитическом подходе к индивидуумам в группах, что они начинают видеть сами, что другие люди смеются по поводу других вещей, ощущают себя иначе, отличаются – и, однако, что нет никакой причины судить, что один вид поведения лучше или более нормален, чем другой, кроме как, опять же, по причинам, валидным в более широком сообществе культуры в целом, в которой живут эти люди. В том, чем люди различаются, и лежит их истинная индивидуальность.

Что касается того, как человеческое существо, развившееся таким образом, ведет себя позднее в жизни, мы знаем, что то, что повлияло на него в ранние годы, продолжается в норме, как я только что объяснил, но так же и в патологических нарушениях в той мере, в которой есть неразрешенные желания или травмы, выраженные, соответственно, в переносе и в компульсивном повторении. Это верно, и остается верно, независимо от того, лежат ли люди на кушетке, сидят ли на стуле напротив вас или же сидят вокруг в кругу. Позднее мы находим, что жизнь индивидуума в нашем типе западной культуры проходит в маленьких, или же в несколько больших группах, очень сильно соответствующих по размерам старому племенному сообществу в несколько сот человек. Эти жизненные – или текущие – сети людей оказываются значимыми для каждого индивидуума. Когда присмотришься ближе к этим жизненным текущим группам, оказывается, что они в своем действии частично перекрывают действие семьи, хотя они не обязательно тождественны ей. Они будут включать друзей, соперников, начальников, починенных, животных, и даже неодушевленные предметы.

В одной из моих групп после смерти матери исключительно важным объектом стала кошка, которую она оставила своей дочери, моей пациентке.

При исследовании таких жизненных групп, людей, с которыми пациент в настоящее время живет – а мы все живем нашу непосредственную жизнь в таких группах –, мы обнаруживаем, что только относительно ограниченное число людей более или менее устойчиво значимы, и некоторое ограниченное число, возможно, не совсем те же самые, избирательно значимы для

конкретных конфликтов. Если мы будем исследовать их так, как они есть, либо в нашей консультационной комнате, либо в самой жизни, то мы будем лечить их как группу неким конкретным образом, в подробности которого я не могу здесь входить.

По сути, такое семейное лечение или лечение групповой сети естественно возникшей группы есть очень мощный метод, и может быть чрезвычайно успешным. Но, в общем и целом я нахожу, что, к сожалению, слишком часто очевидно, что вылечить такую группу целиком невозможно. Конфликты и осложнения слишком огромны. Причина ограничений лежит в сопротивлении, которым отдельные члены таких значимых сетей отвечают на изменения у любого одного из них, особенно у избранного пациента, и сознательно, и бессознательно. [233] Чаще всего они совершенно не склонны быть откровенными и открытыми друг с другом, и раскрывать свои секреты. Короче, при психотерапии аналитического типа такая естественная жизненная группа, сколь бы важной она ни была, из-за этого, вероятно, всего полезнее как диагностический и прогностический инструмент.

Такую группу, по определению, лечат как группу, даже если с ней встречаются всего несколько раз с целью диагностики. То же самое происходит с функционирующей группой людей, группой, имеющей задачу, если с ними необходимо обращаться как с группой ради функций их группы. Такие примеры, когда группа ставится на передний план, это футбольная команда или группа менеджеров в промышленном концерне. Однако это верно, что, хотя индивидуумы в таких условиях становятся фоном, если мы успешно улучшим жизнь и атмосферу в такой группе в целом, то индивидуумы, составляющие ее, тоже изменяются и получают от этого пользу, часто на удивление.

Однако третий тип группы, группаналитическая группа в специфическом смысле, это то, что мы выберем, если захотим использовать интенсивную форму – и это очень эффективная форма – аналитического подхода к индивидуумам в кругу и через друг друга. Эта группа состоит из незнакомцев, которые не имеют между собой вовсе никаких реальных отношений, полностью воздерживаются от формирования таких отношений и полностью выполняют аналитические условия.

Упомяну по крайней мере два из самых интересных результатов моих исследований в этой области: (1) Я убежден, что, как можно ожидать, теория сети подтверждается для абсолютно любого индивидуума, для любого из наших пациентов, если мы дадим себе труд это отметить; (2) Три групповые ситуации или групповые сети, которые были упомянуты, по-видимому, лучше всего исследовать в их взаимодействии в группаналитической группе. Особенно интересно их переплетение, и в особенности также то, как текущая сеть входит в процесс лечения по ходу работы.